

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННОСТИ •

Борис Чулков

ПЕЙЗАЖ
С ЧЕЛОВЕКОМ

Стихи

1058150

«Современник»
Москва. 1986

Озеро

Вкруг по озеру — глянь — деревушки,
незатейливый быт и уют:
у окошек, ссутулясь, старушки
всё коклюшками что-то плетут.

Вот и я у одной квартирую
и поправить пытаюсь дела —
чтоб забыть суету городскую,
чтобы снова душа ожила.

Чуть не в темя долбя: «Отвечай-ка,
ты зачем тут, чего тебе тут?» —
остроклювые резкие чайки
пуще клада гнездо стерегут.

Как в такие места не влюбиться,
где природа настолько чиста!
Живописцы из дальней столицы
приезжают сюда неспроста.

Вон, взирая на рощи густые,
озирая озерную ширь, —
точно памятник древней России —
Ферапонтов стоит монастырь.

Перед всем я себя ощущаю
в неизбывном и вечном долгу.

На прощанье озерному краю
только доброе молвить могу.

Мир — и водам, и лесу густому,
мир — просторам полей и лугов,
и тебе — деревенскому дому —
благ и мира во веки веков!

Дороженька: подъемы, скаты
и нежный пух зеленоватый
с весной воскреснувших берез
в преддверье первых майских гроз.

О, дым, сквозной и невесомый,
очарованье новизны!—
как будто не были знакомы
душе видения весны.

Как будто и не видел сроду
воздушность красок, их полет...
С того-то, глядя на природу,
душа ликует и поет.

В этих рощах глядит на пришельца весна
из черемух, чей свет белоснежен...
Светлый Север! Несет тебя мая волна,
словно парусник белый на стрежень.

Я смотрю на тебя, как заблудший матрос,
что на суше не знает покоя.
Я скажу тебе то, что я в сердце принес:
«О, возьми меня, парус; с собою!

Поплывем, не страшась ни зыбей, ни тревог,
выйдем в мир, что велик и безбрежен...»
В этих рощах летит на меня холодок,
точно ветер морских побережий.

Лето в Белозерске

Ах, в Белозерске нынче лето!
Оно течет в листву садов,
пропитывает знойным светом
канал и палубы судов.

У озера — рыбацья лодка,
на солнце дремлют валуны,
и белотелая молодка
идет в объятия волны.

Вода — и в зной не перегрета —
ласкает свежестью своей...
Ах, в Белозерске зелень, лето —
и жаль сниматься с якорей.

Птичьему щелку и свисту —
душу отдам, чтоб она
стала искристой и чистой,
точно как речка, до дна.

Знаю: волшебная сила,
в листьях и водах скользя,
стольких уже излечила,
что надивиться нельзя.

Есть еще травы и воды,
сосны в родной стороне.
Дух всецелящей природы,
ты пособил бы и мне.

В душу вливайся, врачуя
запахом пашен и рек.
Всюду тебя различу я
ныне и присно — вовек.

Крупнее на родине осень,
рябиновой — свет над рекой,
и плесы темнее, и отмель,
и глуше и шире — покой.

И тучи над полем — сдобнее,
плотнее — туман поутру,
и солнечный луч — холоднее,
и ярче — костер на ветру.

Чтоб встретить достойнее вьюгу
и хищный седой снеговой, —
добрее быть нужно друг к другу,
а кроме того — и верней!..

Река уже намертво стала,
окована панцирем льда;
и, как работяги, устало
на ней засыпают суда.

И, впаянным северной стужей
в ледовый покров до весны,
им даже и якорь не нужен
до первой весенней волны.

Им спится. Конечно, им спится,
когда завершились дела.
Им спится. Зима-чаровница
немало им снов припасла.

Им снится последняя льдина,
распахнутый водный простор,
опячь перевозки, путина,
машины скупой разговор,

и в зябкость полночную — бакен,
и льнущая к вахтенным сонь,
и слева по борту во мраке —
зажженный на встречном огонь;

им снится и белая пена,
что винт оставляет в волнах,

и запахи свежего сена,
что сушится на берегах,

и где-нибудь там — в Междуречье,
а может, и в Тотье самой —
негромкая песня под вечер
над тихой широкой водой...

Зима

Зима?

Прекрасно, что зима!

А в чем она заключена?

В снегах, облапивших дома
и образующих холмы.

Но разве в этом вся зима?

Но все ли здесь черты зимы?

Зима —

мороз,

зима —

метель,

зима —

в сугробе тонет ель.

Зима —

седой и свежий сад,

где ветры зычные трубят.

Зима —

зеркальный бег коньков,

зима —

дорога звонких лыж,

и если ты на них стоишь, —

бежишь в поля, в простор снегов,

к реке, сквозь лес, на холм, с холма.

Зима!

Прекрасно, что зима!

Пускай дорога вдаль летит,

пусть машут сосны вдалеке!

Зима, конечно. говорит
на звучном русском языке,
и только русский человек
воскликнет, видя первый снег,
рощ серебристых терема:
«Зима?
Прекрасно, что зима!»

Зимняя дорога

Василию Белову

И даже город — в мгlistой дымке,
а чуть за город — полутьма.
Округа — в шапке-невидимке:
и набралась же сил зима!

Река теряется в заносах;
закрyта облаком, луна —
и та как будто под вопросом,
на грани призрачного сна.

А где граница рощи с полем?
О, маскировочный халат,
облекший их по чьей-то воле
от головы до самых пят...

И — здравствуй, глушь под стать медведям!
И — всю-то ночь мы им под стать
за столько верст добро бы едем —
бредем (теплом едва не бредя!)
заутра киселя хлебать.

Вокруг — матерый вой метели,
кругом — пурги сленящий свист.
И блазнит — что там: то ли ели,
а то ли призраки сошлись?

Но даже если ты приметил,
что это лес — подкатит страх,
что и на сумрачном рассвете
ты будешь в тех же трех соснах.

Ни дать ни взять — с зимой морока,
мороз махров — он пронял нас,
не позабыть его урока:
урок — весомей слез из глаз...

Все тонет, тонет в мглистой дымке,
и все скрывает тьма и тьма,
и — в шапке, в шапке-невидимке —
езде зима, зима, зима!

Конец марта

И даже на порозге пробужденья
снега в полях России — величавы:
как чистый лист размером с мирозданье,
на сотни верст — снега и тишина,
которую лишь поезд нарушает,
выбрасывая гром из-под колес —
тот гром, что не пугает даже лосей,
забредших на опушку и жующих
то ль веточки деревьев, то ль кору...

Тотьма весенняя

День — кувырком, но в Тотьме заночую...
Проснусь — и вдруг почувствую, почую,
что это чудо, сказка наяву,
что не увижу впредь такого чуда,
пока хожу, пока дышу, покуда
я жительствую в мире и живу.

Ну что ни дом — то экспонат музейный:
наличники резные и кисейный
за окнами какой-то нежный снег —
не снег, понятно (я увлекся это),
а ткань — как будто соткана из света,
из снега, что пречистым был вовек.

А эти мне наличники резные!
Их мастера какие записные
в свой вдохновенный сотворили час!
Каким и впрямь немислимым узором,
пред восхищенным представляя взором,
и радуют они и тешат нас!

А солнце с белизной дружны настолько,
что взор слепят, и ощущаешь только:
повсюду с крыш — капель, капель, капель...
И я душой еще, еще моложе,
и замыслы толпятся и тревожат,
когда в душе весенний бродит хмель.

Здесь чистою и яркою весною
над ждущей воскрешения рекою
мне так отрадно — даже не сказать.
И лишь о милой женщине грущу я,
досадуя, что сказку ей такую
покуда не могу я показать.

Не будет на это привычки,
когда — вместо голых стволов —
вдруг вспыхнет, как будто от спички,
зеленое пламя садов!

И шум их качает, врачуя,
врачует, качая, меня,
и, что-то глубинное чуя,
я чую: мы в чем-то родня.

Деревья воскресшие эти —
как братья немые мои;
им песнь о тепле и о свете
я тихо пою в забвенье.

И, сам удостоенный пеня
воскресших с весною дерёв,
я весть о своем воскресенье
в их пенье услышать готов...

Вновь лазурь залила оком
над безбрежным, немислимым маем,
но опять поминальным вином —
поминаем.

Наш товарищ, ушедший вперед
в жизни, в творчестве, в смерти,
в бессмертье,
нас оттуда к себе не зовет.
Уж поверьте.

И его мы не в силах позвать...
Так стоим на невидимой грани.
Скоро станут, глядишь, увядать
и герани.

Увядая — снесут через грань
ну хоть отсвет зеленого мая?
(Или наши цветы — не герань?
Я не знаю.)

Впрочем, важно не это, а то,
что, быть может, хоть отзвук привета
донесут, несмотря ни на что,
до поэта.

И однако — все это темно.
Может, это навеяно масм?
Спи, товарищ. Уж так суждено.
Поминаем.

Ферапонтово

И какой, и какой он неброский,
хоть и полный величия храм,
что сродни своим светлым березкам,
густокронным своим тополям.

И стоит это дивное диво,
духа русского суть, торжество
над осенней тоскою обрыва
и над летним восторгом его,

и над зимней порой, где метели
белый камень снегами белят,
и над вешней — грачи прилетели
и, ликуя, в деревьях шумят!..

Петровский домик

В Вологде сохранился дом, принадлежавший голландскому купцу Н. Гутману, а затем его вдове, — дом, где во время своих посещений города (1692 — 1724) не раз останавливался Петр I.

А здесь история под боком:
недалеко он, дом Петра.
Лишь стоит глянуть ненароком —
стара история, стара.

О, сколько, сколько миновалось
эпох, периодов, времен
с тех пор, как Русь в Петре нуждалась
и был он ею порожден,

чтобы свершить святое дело:
из темноты страну извлечь,
раздвинуть все ее пределы
и от соседей уберечь.

Почуяв силу, он явился
на Север матушки-земли,
и с корабелями трудился,
и строил чудо-корабли.

Дай оглянись на дни былые!
Па корабле, по существу,
и приплыла тогда Россия
к победе, к славе, к торжеству...

Слепой дозор деревьев пожелтевших
на берегу, над гладью тусклых вод,
на рубеже полей завечеревших
как изгородь кудрявая встает.

Дозор дерев и солнце — крупным планом,
как будто клюква алая, в соку —
над гладью вод с их блеском оловянным
все ж не рождают стылую тоску.

Тот строй дерев на сквозняке вселенском,
лохматящем их буйную красу,
заезжий гость в безлюдье деревенском,
я в благодарном сердце унесу.

Струится древо —
какое диво!

Струится денно,
струится ночью
стихией мощной
и прихотливой.

Листва трепещет
под ветром свежим,
как воды плещут
у побережий.

Так было древле,
так — в настоящем.
Струится древо,
листва — кипяща!

Хотелось бы из светлых слов
создать тебе такое диво,
чтоб — как в краю отрадных снов —
ты стала истинно счастливой.

Хотелось бы, чтоб слов ничуть
ты не заметила при этом:
чтоб трепет вдруг наполнил грудь,
чтоб ослепило резким светом...

Как мягок август в городе моем,
порой грибными сдобренный дождями.
Под добрым солнцем нынче мы живем
и не обделены его дарами...

Когда-нибудь среди глухой зимы,
во тьме ночной, под вьюги завыванье
благое это лето вспомним мы —
и свет нахлынет от воспоминанья!

На Муромской дорожке
Стояли три сосны...

Старинная песня

Три сосны — это сколько ж печали,
это сколько ж предчувствий, предвесгий,
сколько ветра, а ветер едва ли
ограждает от грусти,
и если
ту старинную песню ты вспомнишь,
бередящую душу невольно,
пусть и в горле не вечно быть кому,
все же долго еще будет больно...

Подошла осень

Сколько осени в этом году —
беззаконной, безвременной, ранней!
Потому никуда не уйду
от нагрывших воспоминаний.

Как их много, когда настает,
набежит, налетит и нахлынет
листопад, листосброс, листолет:
всю-то душу он, кажется, вынет.

Будто впрямь с обнаженьем дерев
обнажаются сердце и память,
словно осень, и к ним подоспев,
обнажает их сущность и ранит.

Иль в крови пробуждает она
ощущенье, что все — быстротечно:
вот цвели и любовь и весна,
да сменяют их осень и вечность.

Знаю только: когда листопад
разыграется напропалую, —
где сильней она — горечь утрат,
где прощальнее — боль поцелуя!..

Обратный адрес

Обратный адрес ей пишу,
да сомневаюсь, что ответит,
хотя и знает, что на свете
я только ею дорожу.

Обратный адрес припишу
и сам себя — своею волей —
опять в подполье засажу,
уйду в работу, как в подполье.

И снова тронет мир зима,
и серебристые морозы
прибавят мне забот и прозы,
а я все буду ждать письма.

Все буду ждать, все буду ждать...
Но если бы она любила,
совсем бы и не нужно было
об адресе напоминать...

Утро

Тебя знобит. Ты ежишься. Не спится.
И видишь ты в окне, по холодку,
что осень восседает черной птицей
на голом и обветренном суку.

А может быть, тебе отлично спится
и снится, словно в детском сладком сне,
что лето, как и счастье, — длится, длится,
а осень — черной птицей — лишь во мне?

И Север для тебя — магнит,
и все, что он еще хранит,
так повидать бы ты хотела...
Да не судьба!
Не можешь ты
уйти из плена суеты
и в край студеный ехать смело.

«Нет, не судьба!
Все против нас,—
сказала ты и в этот раз, —
опять забота не пускает».
И встречи ясное окно
ледком затянуто давно,
и снег
мой Север засыпает...

*

Дома, отягощенные вещами
и перенаселенные людьми,
пропахшие бифштексами и щами,
борщами, овощами, черт возьми, —

они тебя удерживали хором,
за мной от них уйти ты не смогла,
они своим зловещим приговором
тебе связали два твоих крыла!

Игла мелодию вела;
сказать вернее, то была
машина времени в работе:
в воронку омота, шипя,
затягивает диск тебя —
в былые дни в конечном счете.

Но это — внешний только вид,
он ни о чем не говорит;
закрыв глаза, смотри иначе:
там кто-то грустный и седой
сидит, томясь своей бедой,
и от других беды не прячет.

О, видно, видно, что горька
его печаль, о чем рука
спешит поведать стае клавиш:
сквозная осень подошла,
любовь былая умерла,
и ничего тут не исправишь.

Звучит мелодия — и мне
поет в вечерней тишине
про сырой дом и сад раздетый...
...А в этом веке предо мной
в осенней комнате пустой
струится дым от сигареты...

Деревня

1

Вот здесь жила когда-то тетя Густя.
Домин больших тут было впрямь не густо.
Была тут каменюшка.

И крыльцо.

И за окошком — Густино лицо.

Она там что-то шила-зашивала,
но тотчас же работу прерывала,
как только заходили мы в жильё
и заставляли в комнате ее.

(А шли-то мы из города в деревню,
где ждали нас и травы, и деревья,
над полем ржи — лазурный свод небес,
и ягодный, грибной, пахучий лес.)

И помню, говорила тетя Густя
о том, что новостей у ней не густо,
однако не могла и помолчать,
и что в деревне сестрам передать —
наказывала нам, и чаем нас поила,
а после вместе с нами выходила
на свежее, промытое крыльцо,
и волглый ветер нам хлестал в лицо...

Легко ли?

Разве было то, что ныне?

Машин в те годы не было в помине.
И всю дорогу с сумкой да с мешком
за милу душу мы плелись пешком.
Так мы шагали, цели достигали
и данный нам наказ передавали
сестреницам...

И, духовитый рай,
нам открывал богатства этот край:
и лес, и луг, где стрекотал кузнечик,

и самую прозрачную из речек —
с купавами, и с плесом, и с песком,
и с тенью под ветлою, под кустом —
для тела долгожданную прохладу,
награду, и отраду, и усладу,
покуда полдень солнцем все слепил,
калил, палил, нимало не щадил...

2

...Вот раз, когда мне грустно было, пусто,
попал я вновь туда, где тетя Густя
жила. Гляжу: дома, дома, дома
в местах, где старина была сама.
Но каменушка чудом уцелела.
Как видно, не взялись еще за дело,
но скоро — явно станут корчевать,
домишку — ну с полгода доживать.
Самой же Густе не было в помине:
не прошлый год она да и не ныне —
давненько душу богу отдала.
В деревне тоже померли старухи...
Так думал я и был отнюдь не в духе,
затем что — зла, ненастна, несветла —
к тому ж еще и осень подошла...

3

Деревня же, однако, уцелела,
и съезу я в деревню то и дело,
пройдуь по ней, вокруг нее хожу,
хоть в старый дом уже не захожу.
Как встарь — уже никто меня не встретит,
никто уж так сердечно не приветит,
за стол не пригласит, не угостит,
не спросит, отчего душа грустит;

помочь мне тоже некому, ей-богу:
хозяин молод, ни к чему подмога...
Я по лесу хожу, хожу, хожу,
не столь грибы ищу и нахожу,
сколь думаю и сколько вспоминаю,
конец тридцатых даже представляю,
как, чистый воздух, русский дух ценя,
сюда возила бабушка меня;
как с матерью в войну сюда ходили
и не одни грибы здесь находили...
и после... Память вновь населена
всем тем, что было в оны времена...

Как счастлив я, что знал и я деревню!
Благодарю все травы, все деревья —
вплоть до кривого, тощего ствола —
за то, что у меня она — была!
Была — не только лесом или полем,
не только лишь раздольем да привольем,
не только пирогом да молоком,
не только лишь куском или глотком,
а чем-то, что и сам я затрудняюсь
сказать себе, назвать — как ни пытаюсь.
Но я отвечаю — кто там ни спроси —
так: символом Поэзии, Руси
была она. А ведь совсем немало,
коль это сызмала душа узнала...

И вот уже первые листья,
и значит, взаправду весна —
тончайшей и точною кистью
свой колер наносит она.

Из почек, земли и расселин
выходит — щемяще-хрупка —
младенчески-нежная зелень,
еще осторожна, робка.

И цвет ее не запыленный,
однако с течением дней
уже он пылится, зеленый,
густеет от спелых лучей.

И воздух плотнеет, и нету
утрами хрустальных прохлад;
весна цененеет, а лету
иной подобает наряд.

И, с пухом прощаясь бесплотным,
запомним, что с этой поры
придется привыкнуть к полотнам
бескрылости, жажды, жары.

Весенняя же невесомость,
крылатость ее новизны,
влюбленность в ее окрыленность—
до будущей это весны...

Белая ночь

У белой ночи свой расчет,
свой, русалочки, повадки:
она играет с нами в прятки
и вокруг пальца обведет.

Вся — наважденье, вся — обман,
она — как призрак, привиденье,
и сомневаешься в свеченье,
и свет ее — как бы туман.

Гляжу я словно в забыты:
русалка крадется на сушу,
и все томят и мучат душу
безудержные соловьи...

Июнь

Пасутся дни на пожнях лета,
а солнце ходит пастухом;
мир полон свежести и света,
пронизан синью и теплом.

Цветы и травы, как насосы,
качают соки из земли,
пока отточенные косы
погибель им не принесли.

Под доброй ласкою светила
они растут, как буйный лес,
и все накапливает силу,
и впрямь нагуливает вес.

И есть такое ощущение,
что ты и сам, как день, растешь,
что из весеннего цветенья
ты в пору зрелости идешь...

Хороший август... Щедрая земля
вознаграждает труд людей сторицей.
Светлы на небе краски, и река
не ежится в предчувствии мороза.

Засмотришься в распахнутые полдни,
в сияющие поздним солнцем дали,
и так легко, когда раскрыта дверь
навстречу ветру, свету и прохожим...

Здесь чистая, застенчивая осень,
спокойная, как дудка пастуха;
здесь тихая, задумчивая осень,
медлительная, как коровье стадо;
здесь ясная, безоблачная осень,
прозрачная, как тонкое стекло;
с высоким небом, светлая, большая
и свежая, как яблоко на ветке...

И вновь они — березовые полдни,
осиновые дни и вечера,
и я нежданно их еще припомню —
для этого придет своя пора.

То солнечно, то дождичек сквозь сито,
и чудится: под капель шепоток
они и прорастают здесь — грибы-то —
у самых ног, у самых наших ног.

И лес, уже отпраздновавший встречу
с хозяйкою рачительной своей,
опять врачует душу человеческую
и отрешает ото всех скорбей.

Деревья! Что сравнится с деревьями!
Что было б с этим миром, если б их
не вырастила жизнь и рядом с нами
их не было в цепи существ живых?

Что с шумными тенями их сравнимо,
какие сны мы видели б, не будь
зеленых грез у них для пилигримов
и если б ветру в парус их не дуть?

Под сенью их я годы не был, годы,
нелепицей и суетой пленен,
но чуть вдохнул их воздуха, свободы,
их свежести — и сразу исцелен..

Темнеет рано, Слишком рано.
И влажной марлею тумана
прикрыты ржавые кусты.
А налетит лишь тень бурана,
крупой швыряющая рьяно, —
так и пойдет гвоздить цветы.

Цветы ли, впрочем? Просто травы,
И те, как после злой потравы,
одни останки трав былых.
Свои у осени уставы,
Грибы и прочие забавы —
в корзине только снов моих.

Идет ноябрь. И все остыло,
все отцвело, отгомонило,
перебродило, отошло,
И лодка старая уныла:
вон и река-то, вишь, застыла
да и незнамо где весло...

Ветхих листьев сырое отребье
ветер снес и унес без следа.
В кровеносной системе деревьев
свили злое гнездо холода,

И застыло, застыло, застыло
все на свете — вблизи и вдали,
и завывло, завывло, завывло
на просторах родимой земли.

Закружились зловещие смерчи,
не давая пробиться лучу..
Только тяжкую думу о смерти
я с зимою связать не хочу.

Может статься, зима — здоровее,
пусть оденет и панцирем льда,
и в крови у деревьев прочнее
злые гнезда совьют холода.

Но надежда на встречу с весной
будет жить в этих гнездах птенцом...
За слепящей лесной белизною
день идет с просветленным лицом.

Семейные альбомы

И у друзей, и у знакомых
не только потчуют гостей —
дают семейные альбомы,
свой доморощенный музей.

Пока хозяева негромко
ведут дебаты о столе, —
ты видишь предков и потомков —
живых и живших на земле.

Потом хозяин хлебосольный
придет, усядется
и сам
экскурсоводом добровольным
ведет по лицам и годам.

И погружаешься в дела их,
и, как сквозь призму,
нем и тих,
на лица нынешних хозяев
глядишь сквозь лица предков их.

А вот и дети..
В сочетании —
отца и матери черты:
нерасторжимое слиянье
их зрелости и красоты.

А дальше — тетки, сестры, братья,
дядья, племянники, зятья.

И не скудеет, смотришь, рать их,
не убывает их семья.

Хозяин скажет:

«Дед мой...

В пятом

с японцем бился..

Там зарыт...

А это сын мой...

С автоматом...

У сопки нашенской стоит..»

Тот пал под Печенгой геройски,
а этот — всю войну прошел..
Альбом отложен, и по-свойски
садимся за семейный стол.

Но, и словам друзей внимая
и отвечая, как всегда,
я все равно не забываю
про эти лица и года,

Уходят мелочи и числа,
подробности о том о сем,
и остаются только мысли
о жизни в целом, обо всем.

О жизни: дереве растущем —
будь климат легок иль тяжел, —
чей корень — в прошлом,
плод — в грядущем,
а в настоящем — мощный ствол..

Хлебозавод особо уважаю:
там в воздухе не запах — аромат.
Лишь мимо прохожу —
и вспоминаю,
как я бывал здесь много лет назад.

Мальчишка, шел я через снежный город
сюда, где долгожданный хлеб пекут,
а в двери к нам всю стучался голод,
костляв и лют,

Хотелось мне вдыхать как можно чаще
ржаного хлеба теплый аромат
и сытный дух ржаной — животворящий
снести домой, где мать, сестра и брат.

Мы сытости сегодняшней не ценим,
но не забыть военные года,
и этот запах для меня священен —
и навсегда.

Война стучалась в каждый дом,
война сидела за столом,
она была и смертной кровью,
и сыновьями без отцов,
и матерями без сынов,
невестами без женихов
и горькой-горькой долей вдовьей.

Война ходила там и тут,
война взвалила тяжкий труд
на плечи сирых, старых, малых;
в обледенелых городах
гнала стоять в очередях,
в просивших каши башмаках
мы шли по улице бывало.

Война работала сама —
она во многие дома
несла скупые извещенья:
«В атаке смертью храбрых пал».
«Тогда-то без вести пропал».
«В такой-то госпиталь попал».
«В санбате умер от раненья».

Забор истопленный — война,
и дом нетопленный — война,
война — и чахлый свет мигалки,
при нем готовя свой урок,
иной и глаз не уберег,
и матерям нас было жалко.

И тем, кто видел — не забыть,
и тем, кто слышал — не забыть
всю боль, все беды, все несчастья;
война входила в каждый дом,
сидела с нами за столом,
и пусть она давно в былом,
забыть ее — не в нашей власти!

Памяти Сергея Орлова

Я знал его. Не коротко. Не очень.
Но виделся. Встречался. Говорил.
Советы мне давал он, между прочим.
Свою на память книгу подарил.

Я знал его. Не близко. Не подробно.
Но не боюсь поклясться, присягнуть:
в правдивости кто как, но он-то кровно
был заинтересован, вот в чем суть.

Я знал его. (Но знал, конечно, ближе
я стих его — окопный, фронтовой,
что красотой дешевой не унижен
и потому воистину живой.)

Я знал его. Не видел погребенья,
я знаю, что руками всех друзей
он — как герой его стихотворенья —
положен в шар земной, как в мавзолей..

В дороге

Деревья придорожные — могучи,
бегут ряды подстриженных кустов,
сирени лиловеющие тучи
набухли за оградами садов.

А вот — совсем солдаты, не иначе,
что через бездорожье тянут связь,
столбы высоковольтной передачи,
умаявшись, бредут и месят грязь.

Ты многого насмотришься в дороге,
увидишь не один набор красот.
Но высоки у времени тревоги
и неожидан каждый поворот!

Ума у нас не было, право,
но стыд и сейчас не потух:
мы в детстве считали забавой
охоту на бедных лягух.

Зачем бы травить этих тварей?
Когда возвращалась весна —
в пахучем и мгlistом угаре
их жизнь была тоже полна.

А мы к ним — с бедой неминучей!
Ну, вредники, ох, огольцы!
(Ремнищем бы нас, да покруче!
Но были далёко отцы.)

В отрытых на случай налетов
траншеях стояла вода,
и в эти-то полуболота
мы камни бросали тогда.

С чего б этот дух разрушенья,
несущий жестокую смерть, —
и в самый разгар обновленья,
объявшего воды и твердь?

Неужто мы в детстве не знаем,
не ведаем, что и творим?

На жизнь, ведь на жизнь посягаем —
а правом владеем таким?

Лишь вспомню я эту забаву —
и жгучим вскипаю стыдом...

Ума у нас не было, право, —
одно оправдание в том.

Я не был на охоте. Наповал
ни из двустволки и ни из берданки
я никого еще не убивал,
ни зверя и ни птицы. И подранки
не истекали кровью. И в бору
и в роще брал грибы я — все затеи.
И не жалею. Лишь грибы беру.
А что не убивал — не сожалею.

Красавец лось из лесу выходил,
а мы в машине мчались по дороге.
Совсем и не пугался он, но был
вдруг остановлен криком — и в итоге
в чащобу вновь свою поворотил.

Он грациозно шел и величаво,
но на него шофер махал рукой —
скотина, мол, пошел, такой-сякой! —
а тот, как мы, имел такое ж право
владеть природой — рощей и рекой...

Зима на Севере

У зимы отвоюем денек
и на шаг да приблизимся к лету,
где он вспыхнет, шальной огонек
клейкой почки, стремящейся к свету.

Отвоюем недельку — и тут
сообразно погодным прогнозам
на чуток холода отойдут,
послабление будет морозам.

Отвоюем и месяц потом,
станет день не такой быстротечный...
И внезапно заметим — живем
среди зимы, так и кажется, вечной...

А юность запускает голубей
в те небеса, которых голубей
потом уже не будет, не бывает.
И может, это юность выпускает
саму себя из рук: «Лети смелей!»...

Ты вспомнишь улетевших голубей...

Другу

Авось еще и мы найдем слова —
естественные, как сама листва,
что одухотворяет деревья
в прелестной нерастраченности мая;
и пусть мы их отыщем не весной,
пусть даже отойдет июльский зной,
пусть осенью, сквозящей и сквозной,
но мы найдем их, я-то понимаю.

Авось и обретем права на речь,
способную не только что развлечь —
хандру пресечь, из злой петли извлечь
и ободрить скорбящего на тризне.
А чем же мы заплатим за слова,
естественные, как сама листва,
что в мае одевает деревья?
А всей, быть может, прожитою жизнью.

Услужливости
Труд никак не брат!
Услужливость услужит — и хихикнет,
и будет ждать подачек и наград,
и от того вовеки не отвыкнет.

А Труд — к примеру — будет лить металл.
Не для наград. Не для Доски почета.
Поставьте честный Труд на пьедестал —
так он сойдет.
Пойдет искать работу!

Проводим время в суете
и слишком часто забываем
о той великой красоте,
что мы в природе открываем.

И хоть бы целый век прожить —
не позабудешь жеребенка,
что вслед за матерью бежит
и ржет призывно, тонко, звонко.

И проживи хотя б века —
остолбенеv, лишишься слова,
увидев, как, храня телка,
на пса бросается корова.

Ты светоносной белизны
приметишь облако... Но это
пришел корабль из той страны,
где вечно синь и вечно лето!

Какие северные дни
здесь даже летом, даже летом!
И солнце в облаке над лесом,
и ветер — вечности сродни.

И над холмом и над увалом
такая реет тишина,
что о былом и о бывалом
поведать может лишь она.

Такой покой царит над краем
вдали от суетных столиц,
что он бывает прерываем
лишь криком редких-редких птиц...

Проселок между сонных елок
сопротивляется машине,
и зайцам даже неохота
с пути-дороги отойти,
и зеленее стены леса
под куполом небесной сини,
и ни конца, глядишь, ни края
лесному этому пути.

И я, среди лесов плутая
в машине по глухим районам,
догнать свою пытаюсь юность,
ушедшую уже давно,
но как настичь ее — не знаю,
лечу меж синим и зеленым,
и как ни мнится, — догоняю,
она уходит все равно...

Тополи

В ненастный день в саду рассветном —
туга, как парус кораблей, —
листва на мачтах тополей
была полна попутным ветром.

Казалось, тополи мечтают
о широте больших морей,
но якоря земных корней
их никуда не отпускают.

Время есть еще все переправить,
переставить и переиграть,
и течение событий заставить
поворот наилучший принять.

Время есть еще переиначить,
переделать и перекроить,
и решить основную задачу,—
быть иль досками окна забить.

Время есть еще, если в оконце
долго видишь одни облака —
можно ждать, что проглянет и солнце,
стоит им расступиться слегка.

От истока до самого устья
проследить бы тебя мне, река;
жизнь свою, с ее радостью, с грустью,
вспоминать бы под шум ивняка.

Побрататься со всею бы Русью,
ощутить, как она велика;
всю судьбу ее, с радостью, с грустью,
пережить бы — века и века...

Какая емкая земля!
Какая мощь у ней и сила,
как бы ее ни затопило —
все выпьют летние поля!

Но только надо полем быть,
а не запущенным болотом,
чтобы, в себя приемля что-то,
и что-то путное родить!

Двадцатый век не терпит ожидания!
Ему в момент все вынь да положи,
он сокращать умеет расстоянья,
он приближать умеет рубежи.

Но вот помеха —
в тучах ни просвета,
как струны, струи тоненько поют.
Кто пьет чай,
кто курит сигареты,
поскольку самолет не подают.

Ох, затяжной!
Без молнии, без грома,
знай только сеют влагу небеса,
в то время как вокруг аэродрома
шумят косноязычные леса.

Что ж, век чудес споткнулся на погоде...
Но, может быть, пока, ругаясь, ждем,
он ищет и к решению приходит,
как с засухой сразиться,
как с дождем;

в пророческой тиши лабораторий,
как атом, расщепляется вопрос,

чтоб в будущем
погоды ждать у моря
нам, жителям планеты, не пришлось...

И, как бы в подтвержденье этим думам,
вдруг тонкий луч сквозь прорву туч блеснул,
и по лесам, до этого угрюмым,
как одобренья, прокатился гул!

Пустой скворечник

Увидишь скворечник однажды —
жилплощадь пуста, словно фляга,
откуда с великою жаждой
до капельки выпита влага.

До капельки выпившим лето,
почувывшим силу и смелость,
от зябких осенних рассветов
скворцам далеко полетелось.

Не ждать же, покуда на липе
и дубе растает одежда,
есть крылья —
и можно в Египет,
где красное лето, как прежде.

Да будут прославлены крылья,
дающие в жизни немало:
от стужи уйти и бессилья,
тоску побороть и усталость.

Да будет им слава,
дающим
вернуться на землю родную,
такую нагрузку несущим,
работу творящим такую,

что, судя по мощности крыльев,
полеты пернатых за летом
такого же стоят усилья,
как наши полеты — к планетам!

Поэты XXI века

Уже родились поэты,
что будут писать в двадцать первом,
что будут писать,
запечатлевая век,
любовь его,
жизнь
и ненависть,
все, что он им подскажет
и чем он будет богат.
Не дайте ему погибнуть!
Он должен быть,
потому что
уже родились поэты,
что будут его воспевать!

Август

Звезда далекая мигает
огнем неоновым во двор,
в тепле и ночью дозревает
и огурец и помидор.

Над задремавшим огородом
стоит глухая тишина,
и, как тарелка с желтым медом,
повисла круглая луна.

Грибной сезон

Скупое солнце всходит над тобою,
о родина осенняя моя!
Молочною окутанные мглою,
с утра едва видны твои поля.

Но ветер говорит еще не строго,
не голосом всевидящей судьбы,
да и в лесных угожьях много-много,
ой много нынче радости—грибы!

И проходя по травушкам росистым,
дыша азартным воздухом страды,
друг дружку окликаая зычным свистом,
мы ищем потаенные следы.

Следы в росе мерцают по опушке,
твоей сейчас минуют ли руки
боровики, и грузди, и волнушки,
и рыжики, и вновь боровики?..

Когда ж в ходьбе становимся не прытки,
устраиваем радостный привал
и достаём закуски и напитки,
как говорят, кому что бог послал.

Но день идет. И заждались хозяйки,
полны, по их расчетам, пестери;
и, закругляя басенки и байки,
спешим мы восвояси до зари...

Бабочка в сентябре

Уж осень, невозможно осязать
луч солнечный,— тепла он дать не может;
и бабочка пытается связать
день нынешний и тот, который прожит
давным-давно. Но крылья, несмотря
на легкость и врожденную сноровку,
стараятся так зря, так зримо зря,
что делается больно и неловко...

В начале сентября листва
уже шумна, уже тревожна,
хоть осень входит осторожно,
хотя идет едва-едва.

Еще дерев опрятен вид,
но этот лиственный горький лепет,
но этот ропот их и трепет,
во всем предчувствие сквозит.

Как будто чуя наготу,
беду, обиду, все деревья,
стремясь к отлету и кочевью,
бескрыло рвутся в высоту...

И паутина сплетена,
а паука на месте нету,
прозрачайшая тишина
опять опутала планету.

Где мошек звонкие рои,
в лесу сновавшие повсюду?
Округа в сонном забытьи —
и мой паук не верит чуду.

Он, безработный с этих пор,
успел куда-то схорониться;
зато грибам теперь простор,
в тиши легко на свет родиться.

Вновь осень царственно щедра:
бери дары ее, прохожий!
Вновь полнокровна и пестра
палитра той поры погсжей.

И, сын родимой стороны,
я снова странствую, скитаюсь
и вновь в отчизне тишины
к какой-то тайне приобщаюсь...

Старый дом еще снится и снится—
по скрипучей иду половице.

Голос прошлого снова я слышу—
это дождь барабанит по крыше.

Чувство радости мне не унять,—
вновь к обеду зовет меня мать.

Ничего мне не надобно, кроме
тех лучей, что запутались в кроне.

Дом — во мне он на все времена,
в мокрый сад я гляжу из окна.

Дом, когда перестанешь ты сниться?
Станешь памяти мертвой страницей?

Отвечает тень дома тогда:
«Никогда. Так и знай — никогда!»

Во сне я вдруг увидел мать —
и старенькую и седую,
и всю судьбу ее скупую —
кому такую пожелать?

Я сколько не был? Два-три дня?
Ах нет, уже гораздо больше.
И совесть вспыхнула... О, боже!..
И сжалось сердце у меня...

А наши матери — одни,
одни в тиши осенних комнат...
И знаю: детям жизнь припомнит
их черствость в сумрачные дни.

Ловлю себя на полуслове;
на полумысли. вот итог —
сам не берег свое здоровье
и мать не очень-то берег.

Еще все было голубое.
все-все, казалось, впереди,
а вегер выл над головою
и отзывалась боль в груди.

Еще цвело в разгаре лето,
все как-то было трын-трава;
не слушал я ничьих советов,
не принимал ничьи слова.

И жизнь не становилась глаже...
Наоборот — день ото дня...
И огорчал я мать...
Она же
все как-то верила в меня.

Хватился поздно — что же это?
Как много их — утрат, потерь!..
И материнского совета
уже никто не даст теперь.

Наверно, в моем положении
и раньше ведь кто-то бывал:
решающие сраженья
проигрывал — все отдавал.

Все наши понятия — древни,
хотя современны они.
Спилите живые деревья —
останутся скорбные пни.

И кольца на них годовые —
как сгустки слепой тишины.
Распилите души людские —
там кольца такие ж видны.

На них, как в моем положении,
все видно по срезу тотчас,
там выигранные сраженья
и проигрыши — напоказ.

Ну что ж; и на этом спасибо.
что нежной со мною была;
но только любовь — эту глыбу —
судьба нам поднять не дала.

Да, нам не поднять ее было —
настолько она велика...
Вот только бы жизнь нас простила,
была наша ноша — легка...

Баллада воспоминание

Никто меня не навестил,
не посетил, не поступил,
как поступают по закону:
друзья, знакомые идут
и что-то там с собой несут,
когда в больнице их знакомый.

Увы, неписанный закон,
что существует испокон,
был просто-напросто нарушен
(хотя бы кто-то позвонил,
о состоянии спросил,—
ан нет... Черствеют, видно, души...).

Как я сегодня сознаю,
я был, возможно, на краю,
я был, наверное, на грани.
Все рушилось — и весь тут сказ:
я и в отчаянье погряз
и безнадежностью был ранен.

Лишь только женщина одна —
к тому же вовсе не жена —
меня однажды навестила.
Плохие были времена,
но все ж пришла, пришла она —
и это придало мне силы.

Я был, ей-богу, точно тень
и вдруг поверил, будет день —

и выйду я, уйду отсюда,
оставлю скуку этих стен,
покину тусклый этот плен...

И вот — свершилось это чудо!

Друзья нашлись (не без того!) —
потом, знакомых большинство —
потом; как, в общем, хорошо-то!
Был восстановлен наш союз...
...Но как он прав, остряк-француз:
«Идите женщину — и все тут!»

Бабье лето

Пока не слышно бурь
и дремлет ветер резкий,
последняя лазурь
стекает в перелески.

Пока румяна рань,
день золот, ночь согрета,
в притихших весях — глянь —
гуляет бабье лето.

И осень — уж не в страх,
не блеск слезы соленой,
день яблоком пропах,
грибами и соломой.

Дыши же нынче им,
и впрямь остатком лета
прозрачно-золотым.
И ни на что не сетуй.

Последнее тепло
впитай душой и телом —
покуда не ушло,
пока не улетело...

Стылые черные воды,
на берегах же — бело.
— Холодно вам, теплоходы?
— Да,— говорят,— не тепло.

Остервенели стихии
в жутком метельном дыму.
— Холодно, души людские?
— Как,— отвечают,— кому...

Новогоднее

Эти галки на стилом проселке
и на крышах в седых деревнях,
эти гулкие ломкие елки
при дороге в заснувших лесах...

Этот дым над бревенчатым домом,
заметенным почти до бровей,
по равнинам, родным и знакомым,
этот бег одноконных саней...

Слышь — скрипят эти древние дровни
от деревни к деревне, как встарь...
То Россией, родимой и кровной,
Новый год проезжает, январь...

Зал ожидания

**Время не торопится, не мчит,
время ожиданием набухло.
У солдата спящего торчит
рыжая из-за бушлата кукла.**

**На вокзале — аховый ночлег,
но чего же в жизни не бывает!
Прибывает снег. И ночь. И век..
Наконец — и поезд прибывает.**

Простая повесть

Хотелось мальчику лететь,
на землю сверху поглядеть,
его романтика манила,
как в детстве, в юности манит,
притягивая, что магнит,
своей неодолимой силой.

Хотелось мальчику лететь,
на землю сверху поглядеть;
и надо ж, ясны были дали
и солнце с высоты небес
слепило снег, ласкало лес,
но самолеты не летали.

Там, на другом конце пути,
дул ветер — дьявол во плоти!
Что ж оставалось? — Оставаться...
Отец билеты возвращал...
Малец расплакался, рыдал...
Слезам, казалось, не уняться...

К тому ж болезнь он перенес,
и вот теперь родитель вез
его в какой-то санаторий.
Приехать надо было в срок,
путь предстоял еще далек,
а тут и с самолетом — горе...

Мы поутешили его:
«Ну что ты! Полно! Ничего!
Э, утро будет мудренее!»
Потом пошли повечерять,
а там — в гостиницу опять —
и сном забылись поскорее.

А утром (так уж сын просил!)
отец автобус пропустил,
на явный риск пустился снова.
Являемся на аэродром,
и снова — разрази нас гром!—
к полетам небо не готово.

Задача стала тут проста,
все встало на свои места:
попуткой ехать мы решили
и ждем машину с полчаса,
сидим...
Как вдруг — о, чудеса!—
с аэродрома позвонили.

Хмарь над землею разошлась,
и мы, почти развеселясь,
всё над парнишкою шутили,
и он, видать, в душе сиял,
хоть виду и не подавал,
когда по трапу мы всходили.

Впервые мальчик полетел!
Сбылось, чего он так хотел,
чего сердечко так желало.

И я был рад, ведь не пустяк,
что справедливость как-никак
взяла и восторжествовала!..
А может быть, его понять
Земля сумела, словно мать,
и все стихии приструнила
и пересилила туман,
и рейс нам был в итоге дан?..

Ну кто подскажет, в чем тут сила!

Содержание

Озеро	3
«Дороженька: подъемы, скаты...»	5
«В этих рощах глядит на пришельца весна...»	6
Лето в Белозерске	7
«Птичьему щелку и свисту...»	8
«Крупнее на родине осень...»	9
«Река уже намертво стала...»	10
Зима	12
Зимняя дорога	14
Конец марта	16
Тотьма весенняя	17
«Не будет на это привычки...»	19
«Вновь лазурь залила окоем...»	20
Ферапонтово	21
Петровский домик	22
«Слепой дозор деревьев пожелтевших...» .	23
«Струится древо...»	24
«Хотелось бы из светлых слов...»	25
«Как мягок август в городе моем...»	26
«Три сосны — это сколько ж печали...» . .	27
Подошла осень	28
Обратный адрес	29
Утро	30
«И Север для тебя — магнит...»	31
«Дома, отягощенные вещами...»	32

«Игла мелодию вела...»	33
Деревня	34
«И вот уже первые листья...»	37
Белая ночь	38
Июнь	39
«Хороший август... Щедрая земля...»	40
«Здесь чистая, застенчивая осень...»	41
«И вновь они — березовые полдни...»	42
«Темнеет рано. Слишком рано...»	43
«Ветхих листьев сырое отребье...»	44
Семейные альбомы	45
«Хлебозавод особо уважаю...»	47
«Война стучалась в каждый дом...»	48
Памяти Сергея Орлова	50
В дороге	51
«Ума у нас не было, право...»	52
«Я не был на охоте. Нановал...»	54
«Красавец лось из лесу выходил...»	55
Зима на Севере	56
«А юность запускает голубей...»	57
Другу	58
«Услужливости труд никак не брат!..»	59
«Проводим время в суете...»	60
«Какие северные дни...»	61
«Проселок между сонных елок...»	62
Тополи	63
«Время есть еще все переправить...»	64
«От истока до самого устья...»	65
«Какая емкая земля!..»	66
«Двадцатый век не терпит ожидания!..»	67
Пустой скворечник	69
Поэты XXI века	71
Август	72
Грибной сезон	73
Бабочка в сентябре	74
«В начале сентября листва...»	75

«И паутина сплетена...»	76
«Старый дом еще снится и снится...»	77
«Во сне я вдруг увидел мать...»	78
«Ловлю себя на полуслове...»	79
«Наверно, в моем положении...»	80
«Ну что ж, и на этом спасибо...»	81
Баллада-воспоминание	82
Бабье лето	84
«Стылые черные воды...»	85
Новогоднее	86
Зал ожидания	87
Простая повесть	88